

Последние годы воинствующего реалиста

Запись беседы Ивана Михайловича Гронского и Всеволода Аполлинариевича Васнецова, состоявшейся 31 августа 1978 года, нам любезно предоставила дочь Гронского Светлана Ивановна. Общей темой был Аполлинарий Михайлович Васнецов (1856 — 1933). Выдающийся художник известен всем. Представим собеседников, ведущих о нем разговор.

Всеволод Аполлинариевич Васнецов (1901 — 1989) — сын Аполлинария Михайловича, океанолог, писатель, инициатор создания мемориального музея-квартиры Аполлинария Васнецова в Москве и Музея братьев Васнецовых в Рыбове.

Иван Михайлович Гронский (1896 — 1985) — литературный критик, ответственный редактор газеты "Известия ВЦИК" (1928 — 1934) и журнала "Новый мир" (1935 — 1937). Был председателем организационного комитета по проведению Первого всесоюзного съезда советских писателей в 1934 году.

Нынешний год для Аполлинария Михайловича Васнецова, Ивана Михайловича Гронского и Всеволода Аполлинариевича Васнецова — юбилейный: им соответственно исполнилось бы 140, 100 и 95 лет.

Леонид ГОРОВОЙ.

«Допрос коммунистов»

Гронский: С вашим отцом я встречался в конце 20-х годов, в том числе и на его персональной выставке...

Васнецов: ... К 50-летию его художественной и общественной научной деятельности, это было в 1929 году в помещении старого здания Ленинской библиотеки, Румянцевской. Была довольно большая выставка.

Гронский: В то время ЦК мне поручил руководить перестройкой в изобразительном и театральном искусстве. Тогда же был сформулирован метод литературы и искусства — социалистический реализм.

На собрании художников в Доме актера меня попросили сказать что-нибудь о социалистическом реализме в области живописи. Я ответил: "Грубо говоря, социалистический реализм в области живописи — это Рембрандт, Рубенс и Репин, поставленные на службу рабочему классу, на службу социализму". После этого собрания воз-

никла дискуссия. На Кузнецком мосту, в Выставочном зале художников было очень много формалистов. Выступая, я сказал, что вершиной русской живописи, а быть может, и всей мировой живописи XIX столетия является творчество Ильи Ефимовича Репина. Собрание ответило дикой обструкцией: стукали, шумели, визжали, кричали. Говорить было невозможно. Я спокойно стоял на сцене, даже закурил. Выждал, когда немножко стих шум, и очень резко обрушился на сторонников модернизма: "Что вы шумите, не вы являетесь хозяевами жизни, а рабочий класс", и в этом духе продолжал свое выступление. Удалось переломить настроение художников настолько, что резолюция была принята наша, сторонников реалистического направления.

При выходе из зала ко мне подошел Аполлинарий Михайлович. Протягивая руку, он сказал (у него были на глазах слезы): "У нас сегодня Светлое Христово Воскресение". Я, откровенно говоря, растерялся. Аполлинарий Михайлович про-

должил: "Да, да, у нас сегодня праздник. Представитель партии и правительства заявил, что нужен реализм, что нужны мы, реалисты, тепло сказал о передвижниках. Назвал Репина великим художником. Это праздник". Я понял, что это не шутка, не провокация, а выражение искренних чувств.

Вышли мы на улицу толпой. Тут был Мешков, Юон, Малютин, другие художники. Я предложил их развезти по домам. "Нет, мы вас пойдем проводим".

На другой день мне утром позвонил по вертушке Сталин. Просил зайти к нему. Спрашивает, что за демонстрация была вчера на улицах Москвы. "Какая демонстрация?" — "Художников". — "Никакой демонстрации не было". — "Вас провожали художники?" — "Да, провожали". — "Это были старые художники, среди них было немало академиков бывшей императорской Академии художеств". — "Да, преимушественно старые художники". — "Что вы для них сделали?" — "Я их поддерживаю, выступал за реалистическое искусство, потому что они все принадлежат к этому направлению". — "А как они материально живут?" Я говорю: "Плохо". — "И вы им помогли? Материально?" — "Нет. Деньги и пайки вы дали для литераторов, и литераторам я помогаю, отчасти ученым, но для художников у меня нет средств". Он подошел к телефону, позвонил Мокшану: "Гронскому надо дать еще академических пайков. Дайте еще 200". Затем позвонил Енукидзе: "Гронскому надо выдать денег". Тот спросил сколько. "Ну, дайте несколько десятков тысяч и не жалчайте".

Я посетил всех старых художников, в том числе и Аполлинария Михайловича. Дал академические пайки, сколько кому, сейчас не помню. Деньги я послал с секретарем. Когда он

привозил и вручал деньги в конверте, художники спрашивали: "За что?" — "Ни за что, никаких расписок не требует". Некоторые художники расплакались. Для них это было неожиданно.

Позже я узнал, что моя вот эта спокойная, уверенная поза во время обструкции на Кузнецком мосту послужила Иогансону сюжетом картины "Допрос коммунистов".

После этого собрания я еще раз виделся с Аполлинарием Михайловичем, кажется, у меня дома, и это была моя последняя встреча с ним. Через каких-то несколько месяцев он умер.

«Обеспеченная старость»

Васнецов: Многие из тех картин, что вы видели на юбилейной выставке "50 лет творческой деятельности" в 1929 году, сохранились, и все сейчас экспонируются в мемориальном музее-квартире.

Специально к этой выставке отцом была написана картина "Все в прошлом". Сюжет такой: старинный парк, старинный дом в парке, пруд, настроение вечернее, заря угасающая, ветер, освещенный дом, и седовласый старец сидит на скамейке, задумчив. Перед организацией выставки комиссия посмотрела и, отметив, что вещь неплохая, все же ее забраковала: "Пессимизма много". Конечно, ему уже 76 лет, оптимизма немного. Это было огромное огорчение, он знал, что это его последняя вещь, что написать такое большое полотно он не сможет. Я ему посоветовал: "Папа, назови ты "Санаторий в старинном парке". Или назови "Обеспеченная старость". К счастью, не могли подыскать подходящее помещение для этой большой выставки, и ее открытие затянулось на два года.

Перед открытием выставки пришла другая комиссия. Эта вещь уже называлась просто "Шум старого парка". И под таким названием никаких возражений у комиссии эта вещь не вызвала. Она так и появилась под названием "Шум старого парка", в скобках "Баллада Шопена". Настроение ее хорошо видно. Он писал эту вещь, когда умер Виктор Михайлович (его брат — тоже художник). Они осиротели рано, Виктор Михайлович просто заменял Аполлинарию отца.

И вот когда в музее рассказывается об этой картине, то на магнитофонной ленте затихает голос и звучит "Баллада" Шопена. Слова наговорила моя жена, которая заведует музеем. Она геолог моря и со мной много плавала в Арктике, но после того, как умерла моя мать и я стал наследником, моя жена стала заниматься экспозицией — написала много статей, книжки.

Эта комната когда-то была столовой. Последние годы, после того, как его выжили из училища живописи как воинствующего реалиста, это была его единственная комната. Трудно ему было работать, большое итальянское окно выходило на солнечную сторону, его приходилось занавешивать батистовой калькой, чтобы не было бликов, картина ставилась так, чтобы был скользящий свет. В этой же комнате висит, всегда висела, я помню ее еще маленьким, написанная отцом по заданию, по определенной мифологической тематике, "Эфигения в Тавриде"; скалы, темное море, на берегу костер, жрица огня Эфигения. Он за нее получил какое-то звание, путь в художники. Как она висела в моем детстве на этом крюке, так и до сих пор, я никогда с ней не расставался. Две большие вещи — самая первая и самая последняя — висят в его мастерской.